

Родом из Погостья *

Я родился в 1923-м году на ст. Погостье. Родители приехали сюда из Ленинграда в голодном 1920-м по направлению биржи труда. До этого отец работал на вагоностроительном заводе им. Егорова. В Погостье он устроился путейцем на железную дорогу, мама – кладовщицей в лесозаготовительную организацию, занимающуюся заготовкой дров для паровозов.

Погостье было застроено бараками, оставшимися после Первой мировой войны: в них размещались пленные австрийцы, работавшие на заготовке дров. У железнодорожного моста через р. Мгу осталось большое кладбище – погост, от чего поселок и станция стали называться Погостьем.

В детстве мы, поселковые мальчишки, любили играть на кладбище в войну. На могильных холмиках валялось много солдатских касок с наконечниками и жестяными орлами. Мы отбивали от касок наконечники и делали из них пики или стрелы, а из орлов, очистив их от ржавчины глиной с песком – нагрудные знаки.

В Погостье жили переселенцы из Псковской и Новгородской областей, были и чухны (финского происхождения). Основной поселок финнов стал называться Кондово (Кондуя).

С 1932 года в Погостье начали прибывать эшелоны с заключенными. С их появлением разъехались все «скобари». Заключенные стали строить вдоль р. Мги большой лагерь ИТК-18, состоявший из двух отделений: «Лесные бараки» и «Отрез».

Через 2–3 года после приезда первых «зеков» эшелоны на станцию стали прибывать все чаще, и население лагеря, включая обслугу и охранников, составляло уже около 5 тыс. чел.

Первым начальником лагеря (его звали Большим начальником) был Привалов. Его звание обозначалось тремя ромбами в петлицах. Другие сотрудники НКВД, занимавшие разные должности, носили и «шпалы», и «кубики», и «треугольники».

Вблизи лагеря была большая псарня для охранных собак (в основном породы немецкая овчарка) с тренировочными вольерами.

Для приема, складирования и хранения продовольствия и фуража по немецкому проекту был сооружен пакгауз. Позже были проложены две узкоколейные железнодорожные ветки, по которым к станции подвозился лес. Одна вела к д. Оломна, где вагонетки с грусами

Из архива Г. Ф. Чекура (Тосненский краеведческий музей).

перемещались посредством трактора на резиновых колесах. Вторая ветка шла к д. Шала, на которой вагонетки с лесом тянул маленький паровозик.

На станции Погостье работала большая пилорама с двигателями на мазуте. Была своя электростанция, также работавшая на мазуте. Она снабжала электричеством лагерь и поселок.

На станции был производственный цех по изготовлению товаров народного потребления (бочек, кадушек, ящиков, корзин) и декоративных предметов из дерева: шкатулок, мисок, ложек.

В лагере, отдельно отгороженные, имелись две большие мастерские – сапожная и швейная, где шили ватники, рукавицы, брезентовые изделия.

Во время летних каникул (последние три года перед войной) я устраивался на работу в канцелярию лагеря, где и познакомился с расположением объектов и жизнью его обитателей.

Население поселка состояло из работников железной дороги, охранников-военнослужащих и их семей. 15 человек относились к райлеспромхозу и охраняли лесные угодья.

Лагерь имел свое подсобное хозяйство: лошадей, свиней, около 30 коров, большую пекарню. Для населения было два магазина: железнодорожный и сельпо. 2–3 раза в месяц по железной дороге в поселок приезжал вагон-лавка (чаще – до 1935 года, пока существовали карточки).

Жители имели большие приусадебные участки, где выращивали овощи и держали скот. Сенокосы располагались вдоль железной дороги. Заключенные заготавливали сено на лугах вдоль р. Мги. Покосы все время увеличивались за счет новых вырубок.

Каждой весной по Мге сплавляли лес, а летом реку очищали от мусора и топьяка. В поселке много места занимали склады бревен, досок, дров, бруса и изделий производства.

Для населения вне лагеря был построен большой клуб, детсад, больница, почта, футбольное поле, спортплощадка. Зимой заливался каток для игр в хоккей с мячом, где за команду пожарников играл сам начальник лагеря Привалов. С детьми Привалова мы дружили. Мой старший брат Дмитрий дружил с Олегом Приваловым и часто ходил в их виллу. Вилла начальника была огорожена высоким забором, охранялась собаками и находилась за пределами лагеря.

Лагерь опоясывал высокий трехрядный забор из колючей проволоки, по периметру которого были устроены наблюдательные вышки. Охранялся лагерь стрелками и собаками. В лагере содержались раскулаченные крестьяне, подчас целыми семьями, пока их не начали разъединять. Были и уголовники из России и Украины. Отдельно

содержались политические. Для них этот лагерь был вроде пересыльного пункта: потом их куда-то отправляли.

В 1930–41-х годах я учился в Мгинской железнодорожной школе № 34 на ст. Мга. Жил в интернате при школе, а на выходные уезжал домой в Погостье – как сестры Зоя и Саида. Брат Дмитрий в 1934-м году закончил семилетку и хотел поступить в Волховское ФЗУ. Но там не оказалось мест в общежитии, и он уехал в Медвежьегорск, где закончил железнодорожное ФЗУ. По окончании учебы работал слесарем в Рыбацком, потом – экспедитором во Мге, затем был назначен начальником почтово-багажного отделения Волховско-Мурманского направления железной дороги. В 1939 году был призван в армию и направлен в полковую школу под Ленинградом. В 1940 году был зачислен в 230-й отдельный артиллерийско-зенитный дивизион командиром орудия. Служил в Белоруссии под г. Лунинец, участвовал в присоединении Западной Белоруссии к СССР. Война застала его в Могилевской области. Последнее письмо от брата пришло в конце июля 1941 г. со ст. Буда-Кошелевская. Он описывал, как его подразделение вело огонь по немецким танкам прямой наводкой при переправе через Днепр. Еще была короткая записка о бомбежках немецкой авиации. Мы ничего не знали о судьбе Дмитрия до конца войны. В 1946 г. Мгинский РВК прислал извещение, что Д. С. Ягуфаров пропал без вести...

Отец наш умер в 1938 году.

17 июня 1941-го года я сдал последний экзамен по химии, который принимала Ольга Григорьевна Баранова с комиссией. 19-го мы гуляли на выпускном вечере. Каждый уже выбрал жизненную дорогу. Я еще в апреле получил комсомольскую путевку в Высшее военноморское училище им. ЛКСМ Украины, находившееся в Севастополе, на Корабельной стороне, д. 42. Ждал получения аттестата, чтобы через РВК отправить его в училище. Но... 22 июня началась война, и в жизни получилась полная чехарда.

Военкомат не смог нас всех отправить по назначению. Некоторые успели устроиться в Ленинграде: Леня Дроздов поступил в авиашколу, Сергей Вешкельский и Володя Эзергаль – в военноморскую спецшколу; Юра Рогов, Коля Николаев и Толя Смирнов – в артиллерийскую, а нам троим ехать от Мги до Севастополя далеко... Пока ждали ответа из училища, война подступила к нашему порогу. Точно как в песне:

*«...Этот школьный вальс тоже был у нас,
И теперь судьба такая:
Помню, как сейчас, наш десятый класс
Закружила вьюга фронтовая...»*

В конце июля я поехал из Погостья во Мгу в райвоенкомат. Увидел, что работники его спешно собирают вещи – готовятся к эвакуации. Им было не до меня: формировался отряд из местных жителей и железнодорожников. Вечером я нашел военкома и получил документ на обратный проезд и продаттестат на 10–15 августа. Вернулся в Погостье.

На станции Погостье было четыре колеи путей по 600–800 м. До войны у нас проходил один поезд в сутки на Москву. А сейчас непрерывным потоком шли эшелоны с людьми и оборудованием на Будогощь – Санково – Красный Холм – Москву Бутырскую.

Заключенных из лагеря стали группами распускать по домам, а особо опасных отправляли эшелонами на восток. Расформирование лагеря началось с августа, когда немцы стали бомбить железную дорогу. Жители восстанавливали разрушенные пути. Мы разгружали песок, исправляли насыпь, меняли рельсы и шпалы, скрепляли их костылями. Этим работам не было конца... Мимо нас гнали стада скота, отходили отступавшие войска.

8 августа в Погостье пришла последняя воинская часть: остатки 21-й танковой дивизии без танков. В нашем доме разместился штаб: комдив – полковник Григорий Васильевич Кузнецов, начальник штаба ст. лейтенант Владимир Федорович Толубко, замполит – полковой командир Калашников, начальник особого отдела майор Арсеньев и другие командиры. Я показал свои документы и попросился в дивизию.

10 августа меня зачислили в разведроту, которой командовал ст. лейтенант Трифонов. Я был за проводника: знал местность к югу до Макарьева, к северу – до Невдубстроя, Синявина, Жихарева, Войбокала; на западе – до Ленинграда; на востоке – до Посадникова. Ходили с ребятами и в Шапки – в пещеры.

12 августа я вывел легковые машины штаба на дорогу к д. Лодва. Штаб 21 тд расположился в д. Лодва, тылы – в лесу. Всего в дивизии к этому времени было два полка без танков: 41 тп имел 28 активных штыков с танковыми пулеметами «ДТ». Он держал оборону в районе Погостья. В 42-м тп было 29 человек с пулеметами, он оборонял Березовку и Новую Малуксу.

13–14 августа немцы наступали от Веняголова на Погостье, их отбил 41-й тп. 14–15 августа атаки немцев на Н. Малуксу отражал 42-й тп. В книге И. И. Федюнинского «Поднятые по тревоге»* так описаны эти бои: «... его (ст. л-та Трифонова. – *Сост.*) бойцы уничтожили 85 фашистов, (...) захватили 10 автоматов, 6 пленных».

* И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. – М.: Воениздат, 1961. – С. 76, 77, 99.

Упоминаются ученики Трифонова: ст. с-т Говорун, в/т второго ранга Аниськов и Альтерман, сержант Ильин.

А в группе Трифонова было тогда всего 12 человек. Помимо названных, помню следующих бойцов: Кудряша, Князева, Волкова латыша Кныша, украинца Дрозда, Красавина.

В начале сентября немцы (?) атаковали Погостье с двух сторон: со стороны Веняголова – пехота с тремя танками; от Новой Малуксы – по железной дороге. Впереди пехоты ехала бронированная дрезна и платформа с установленными на ней пушками.

Наши танковые полки отошли к Оломне и далее – к рабочим поселка жихаревских торфоразработок № 4 и № 5. Но в сентябре же в Оломну пришло пополнение – 27-я кавалерийская дивизия. 11 сентября кавалеристы освободили Погостье. Я в это время с офицером связи 41-го тп находился в расположении 27-й кд. Эту победу мы сравнивали с освобождением Ельни в сентябре.

Я участвовал в боях под Погостьем с 10 августа по 30 октября 41-го года. 30 октября у дороги Карбусель – Лодва меня тяжело ранило (врачи потом насчитали 11 «дырок»). Сутки на самодельных носилках меня несли двое пленных немцев и двое наших бойцов, освобожденных из плена. Одним из них был обгоревший летчик, вторым – артиллерист. Они благодарили нас всю дорогу «домой» и плакали от радости. Но когда мы вышли к своим, их забрали в Особый отдел. Было жаль их до глубины души. Оба были ранены. Дорогой наши их перевязывали, давали водку, чтобы утолить боли.

Меня после обработки в медсанбате отправили в эвакуогоспиталь № 3883 г. Челябинска, где я пробыл до 9 мая 42-го года. По выздоровлении был направлен в 30-й запасной полк, где встречался со знаменитым впоследствии поэтом Сергеем Орловым. По окончании учебы воевал в 99-й танковой бригаде под Сталинградом с июля по октябрь 42-го года. Снова был ранен. По излечении попал в 7-ю гвардейскую Сталинградско-Корсуньскую Краснознаменную мотострелковую бригаду командиром машины, помкомвзвода (с октября 42-го по май 1943 г.).

После окончания Сталинградской битвы был направлен в танковые Костереvские лагеря, оттуда – в 5-ю гвардейскую танковую армию маршала П. А. Ротмистрова, в 20-й Звенигородский танковый корпус. Участвовал в боях на Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишеневской операциях, в освобождении Польши и Чехословакии.

В начале 1945-го года меня направили в Соликамское танковое училище, находившееся в г. Камышине Сталинградской области. Закончил его в 1947-м году и служил в танковых войсках до 1956 года, когда был демобилизован по сокращению штатов.

Приехал в Ленинград, поступил в пединститут им. Герцена, который закончил в 1961-м году. Поселился в Кировске, преподавал физику и математику, стал завучем, затем директором школы, инспектором РОНО. С 1986 г. – пенсионер, заместитель председателя Совета ветеранов Кировского района Ленинградской области.

**Письмо командующего 5-й гв. ТА
Ротмистра П. А. маршалу Жукову Г. К.
от 20.08.43 г.**

ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ
НАРОДНОГО КОМИССАРА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР –
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
тов. ЖУКОВУ

В танковых боях и сражениях с 12 июля по 20 августа 1943 года 5 Гвардейская танковая армия встретилась с исключительно новыми типами танков противника. Больше всего на поле боя было танков Т-V («Пантера»), в значительном количестве танки Т-VI («Тигр»); а также модернизированные танки Т-III и Т-IV.

Командуя танковыми частями с первых дней Отечественной войны, я вынужден доложить Вам, что наши танки на сегодня потеряли свое превосходство перед танками противника в броне и вооружении.

Вооружение, броня и прицельность огня у немецких танков стали гораздо выше, и только исключительное мужество наших танкистов, большая насыщенность танковых частей артиллерией не дали противнику возможности использовать до конца преимущества своих танков. Наличие мощного вооружения, сильной брони и хороших прицельных приспособлений у немецких танков ставит в явно невыгодное положение наши танки. Сильно снижается эффективность использования наших танков и увеличивается их выход из строя.

Проведенные мною бои летом 1943 года убеждают меня в том, что и теперь мы самостоятельно маневренный танковый бой можем вести успешно, пользуясь отличными маневренными свойствами нашего танка Т-34.

Когда же немцы своими танковыми частями переходят, хотя бы временно, к обороне, то этим самым они лишают нас наших маневренных преимуществ и, наоборот, начинают в полной мере применять прицельную дальность своих танковых пушек, находясь в то же время почти в полной недосягаемости от нашего прицельного танкового огня.

Таким образом, при столкновении с перешедшими к обороне немецкими танковыми частями мы, как общее правило, несем огромные потери в танках и успеха не имеем.

Немцы, противопоставив нашим танкам Т-34 и КВ свои танки Т-V («Пантера») и Т-V1 («Тигр»), уже не испытывают былой танкобоязни на полях сражений.

Танки Т-70 просто нельзя стало допускать к танковому бою, так как они более чем легко уничтожаются огнем немецких танков.

Приходится с горечью констатировать, что наша танковая техника, если не считать введение на вооружение самоходных установок СУ-122 и СУ-152, за годы войны не дала ничего нового, а имевшие место недочеты на танках первого выпуска, как-то: несовершенство трансмиссионной группы (главный фрикцион, коробка перемены передач и бортовые фрикционы), крайне медленный и неравномерный поворот башни, исключительно плохая видимость и теснота размещения экипажа не полностью устранены и на сегодня.

Если наша авиация за годы Отечественной войны по своим тактико-техническим данным неуклонно идет вперед, давая все новые и новые более совершенные самолеты, то к сожалению этого нельзя сказать про наши танки.

Ныне танки Т-34 и КВ потеряли первое место, которое они по праву имели среди танков воюющих стран в первые дни войны.

Еще в декабре месяце 1941 года мною была захвачена секретная инструкция немецкого командования, которая была написана на основе проведенных немцами полигонных испытаний наших танков КВ и Т-34.

Как результат этих испытаний, в инструкции было написано примерно следующее: немецкие танки вести танкового боя с русскими танками КВ и Т-34 не могут и должны танкового боя избегать. При встрече с русскими танками рекомендовалось прикрываться артиллерией и переносить действия танковых частей на другой участок фронта.

И, действительно, если вспомнить наши танковые бои 1941 и 1942 гг., то можно утверждать, что немцы обычно и не вступали с нами в бой без помощи других родов войск, а если и вступали, то при многократном превосходстве в числе своих танков, чего им было нетрудно достичь в 1941 г. и в 1942 г.

На базе нашего танка Т-34 – лучшего танка в мире к началу войны, немцы в 1943 г. сумели дать еще более усовершенствованный танк Т-V («Пантера»), который по сути дела является копией нашего танка Т-34, по своим качествам стоит значительно выше танка Т-34 и в особенности по качеству вооружения.

Для характеристики и сравнения наших и немецких танков при-
 вожу следующую таблицу:

Марка танка и СУ	Броня носа в мм	Лоб башни и кор- мы	Борт	Корма	Крыша, днище	Калибр пушки в мм	Кол-во снаря- дов	Скорость макс, км/ч
T-34	45	95-75	45	40	20-15	76	100	55,0
T-V	90-75	90-45	40	40	15	75*		
	75-69	82	60	60	30-30	76	102	43,0
	100	82-100	82	82	28-28	88	86	44,0
	70	70-60	60	60	30-30	152	20	43,0
	200		160	85		88		20,0

* Ствол 75-мм орудия в 1,5 раза длиннее ствола нашего 76-мм орудия и снаряд обладает значительно большей начальной скоростью.

Я, как ярый патриот танковых войск, прошу Вас, товарищ мар-
 шал Советского Союза, сломать консерватизм и зазнайство наших
 танковых конструкторов и производственников и со всей остротой
 поставить вопрос о массовом выпуске уже к зиме 1943 г. новых тан-
 ков, превосходящих по своим боевым качествам и конструктивному
 оформлению ныне существующих типов немецких танков.

Кроме того, прошу резко улучшить оснащение танковых частей
 эвакуационными средствами.

Противник все свои подбитые танки, как правило, эвакуирует,
 а наши танкисты этой возможности зачастую бывают лишены, в ре-
 зультате чего мы много теряем на этом в сроках восстановления
 танков. Одновременно, в тех случаях, когда поле танковых боев на
 некоторый период остается за противником, наши ремонтники вза-
 мен своих подбитых танков находят бесформенные груды металла,
 так как в этом году противник, оставляя поле боя, все наши подби-
 тые танки взрывает.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ
 5 ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ
 ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
 ТАНКОВЫХ ВОЙСК –
 (РОТМИСТРОВ) Подпись.

«20» августа 1943 г.
 Действующая Армия.

Источники: РЦХДНИ, Ф. 71. Оп. 25. Д. 9027. Л. 1-5, ЦАМО РФ. Ф-38. Оп. 11355.
 Д. 1408. Л. 48-52.

Примечание: орфография и пунктуация сохранены авторские.